

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ССР

№ 157 (473)

24 НОЯБРЯ 1934 ГОДА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. ВАГРИНГОГО, А. БОЛОТИКОВА,
М. КОЛЬНОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО,
М. СУБОЦКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ.

Первый пленум правления ССП

В январе 1935 г. состоится первый пленум правления Союза советских писателей ССР. Съезд писателей Страны Советов, поставивший основные проблемы дальнейшего развития советской литературы, явился исторической вехой в борьбе за качество советской художественной литературы.

Съезд послужил мотивом творческим зарядом не только для художников Союза, но и для за рубежных революционных писателей. Каждый советский писатель ушел со съезда с сознанием грандиозности исторических задач, которые поставлены перед советской литературой. Каждый писатель ушел со съезда с повышенными требованиями не только к соратникам по перу, но и первую очередь к самому себе.

Период после съезда является для советской литературы периодом углубленной творческой работы. Созданный в ближайшее время пленум правления Союза писателей рассмотрит и утвердит ПЛАН РАБОТЫ СОЮЗА НА 1935 г. Основное внимание в 1935 г., естественно, нужно сосредоточить на ТВОРЧЕСКИХ вопросах. Этап организационной подготовки прошел. Наступает время подлинного руководства ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТОЙ ПИСАТЕЛЯ. С тем большими вниманием и щадительностью необходимо отнести к составлению плана работ Союза советских писателей на 1935 г.

Особенно широко следует развернуть художественно-испитательную работу и хорошо поставить творческое руководство кадрами начинающих писателей из рабочих и крестьян, руководство писательскими кадрами периферии. Местные писательские союзы ждут конкретной помощи и живого руководства.

До сих пор в полной мере эта помощь не востребована со стороны Союза. Делается в этой области чрезвычайно мало. А между тем эта работа является одной из важнейших задач ССП. Это необходимо подчеркнуть в своих выступлениях А. М. ГОРЬКИЙ, на это же он еще особенно настоятельно указал в своей речи на первом заседании президиума Союза, собравшемся после закрытия весенне-зимнего съезда.

Как известно, положение с писательской критикой у нас и по сей день далеко не благополучное, что со всей очевидностью обнаружилось на съезде. Не случайно и то обстоятельство, что в повестку дня съезда вошел вопрос о литературной критике, ибо это лучше всего характеризовало неудовлетворительность состояния критики и писательства. А без выяснения этих вопросов мы не сможем двинуть вперед дело писательской критики, соответствующий требованиям и задачам, выдвигаемым нашей эпохой.

Постановка вопроса о критике в качестве центрального пункта повестки для пленума правления обязывает весь наш критический фронт и каждого его работника в отдельности притти на этот пленум, достаточно подготовленным и хорошо вооруженным. Все зависит только от нас самих, товарищи критики!

Известно, какие политические и писательские задачи имели начатая Алексеем Максимовичем Горьким работа по истории фабрик и заводов и истории гражданской войны. Редакционными коллектиками «ИГВ» и «ИФЗ» сделано много.

Постановка их докладов на пленуме вполне своевременна. Задача пленума состоит в том, чтобы выше шире популяризовать эти исключительно интересные начинания.

Первый пленум правления Союза советских писателей имеет важнейшее значение. Задача правления союзов писателей национальных республик, областей и краев, а также всей писательской общественности, — подготовить к нему, по-большевистски.

ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ

ВОСЕМЬ ЛЕТ В МОСКОВСЕТЕ

Отчет Н. Накорякова

21 октября перед коллективом работников и писателями, обединенными группировкой Гослитиздата, открылся кандидат в Московский советский директор государственного издательства «Художественная литература» Н. Накоряков.

Тогда Накоряков в течение 8 лет был на активной советской работе. Два раза подряд он избирался в Москву. Четыре года он был членом Московского совета и последние четыре года — кандидатом.

— Работа в совете, — сказал в своем ответном докладе т. Накоряков, — прекрасная политическая школа. Ведь советы — мощный и сложный аппарат руководства социалистической стройкой. Участие в управлении богатой и многообразной жизнью города, — эту возможность дает работа в совете, — повышает у каждого депутата и секционера чувство ответственности и коллегиальности, воспитывает его. Так было и со мной.

Пришло в совет я нарочно, чтобы помочь, чтобы меня направили на черновую работу. Как районный секционер вот уже 5 лет я выполняю все поручения, которые дают мне в Московском совете.

В нем же заинтересовалась конкретная работа в Московском совете директриса издательства?

Тогда Накоряков работал в секции культуры. Летом и осенью из года в год проверял он, как идет ремонт школ, как подготовлена встреча учеников.

Когда ЦК партии принял решение об издании стабильных учебников, Московский портфель т. Накорякову предстоит за ходом печатания учебников, предназначенных для Москвы, и наладить снабжение ими школ столицы.

В этом году в Москве был проведен широкий поход за культурное рабочее общеустройство. Сотни депутатов и секционеров обследовали рабочие бараки. Среди них был т. Накоряков.

— Можешь привести мнение лежащие общеустройства, — говорит он, — наладить общеустройство в каждом бараке небольшую библиотечку. Через КОГИЗ я добился выделения достаточно количества книг, среди ко-

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

БЕСЕДА С ЗАВ. ДЕТГИЗОМ Н. А. СЕМАШКО

План издания Детгиза в 1935 г. обещает дать нашим детям обширную и разнообразную литературу. В художественном отношении запроектированный издательством план в повтор раза больше прошлогоднего. Всего 76 млн. листов-оттисков в 1934 г. Детгиз даст в 1935 году 116,5 млн. Увеличение, главным образом, идет за счет тиражей, причем повышенными тиражами будут издаваться книги советских писателей, а также произведения нашей критики, и классики. В несколько меньших тиражах будут появляться книги, издающиеся впервые. Количество называемых выpusкниками Детгизом книг возрастает в 1935 г. с 329 до 380.

— «План Детгиза, — сказал беседе с нашим сотрудником заведующим издательством Н. А. Семашко, — имеет в виду дать детям разных возрастов книги, сочетающие «художественное изложение с высоким идеальным уровнем». Однако надо признать, что не все разделы плана удовлетворяют наше издательство. План slab части дошкольной литературы. Новых вещей для дошкольного возраста чрезвычайно мало. Ленинградское отделение издательства дает нам, главным образом, книги Маршина и Чуковского. Точно так же немного новых книг для этого возраста дает и Москва: Гайдар, Кассиль, Барто и др. Главный раздел этой части плана — сказки — будет представлен нашими современными авторами (Чуковский, Блатов и др.) и классиками (Андерсон, Гримм). Литература маленького школьного возраста будет представлена также новыми изданиями и переизданиями. Из новых книг обращают на себя внимание вещи Кассиль — «Сказка об Алешке-Рязане» и «Лидина-холдинга», еще раз напоминающая о том, что детские книги можно писать занимательно и политически остро; вторая часть «Приключения Трактора С. Розанова; рассказы молодого писателя Некрасова «Морские саги».

Для младшего школьного возраста будет издан также ряд уже известных книг Маршина, Миндлина, Барто, Гайдара, Перовской, Пришвина, ряд классических произведений русской и иностранной литературы, а также «Кеф бит» Маяковского.

Самый большой раздел плана — это книги для детей среднего и старшего возраста. Из повестей и рассказов будут выпущены книги Гайдара «Военная тайна», Замчалова «Выстрел», Юрова «Красный камень» и притчи на этот пленум, достаточно подготовленным и хорошо вооруженным. Все зависит только от нас самих, товарищи критики!

Известно, какие политические и писательские задачи имели начатая Алексеем Максимовичем Горьким работа по истории фабрик и заводов и истории гражданской войны. Редакционными коллектиками «ИГВ» и «ИФЗ» сделано много.

Постановка их докладов на пленуме вполне своевременна. Задача пленума состоит в том, чтобы выше шире популяризовать эти исключительно интересные начинания.

Первый пленум правления Союза советских писателей имеет важнейшее значение. Задача правления союзов писателей национальных республик, областей и краев, а также всей писательской общественности, — подготовить к нему, по-большевистски.

В серии книг о социалистическом строительстве ребята найдут новые и повторные книги, сочетающие «художественное изложение с высоким идеальным уровнем».

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В серии книг о социалистическом строительстве ребята найдут новые и повторные книги, сочетающие «художественное изложение с высоким идеальным уровнем».

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие от предыдущих лет включено переведение из лучших писателей национальных республик — Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии и Узбекистана.

В плане 1935 г. отличие

В издании «Montaigne» вышла новая книга Андрея Виоллиса о Японии (*«Le Japon intime»*). Автор книги, один из талантливейших журналистов Парижа, известен широкой публикой своим книжным СССР, выпущенным несколько лет назад, ставшим by Ильиной, которые печатались в прошлом году в *«Нашей книге»* и др.

Своей книге о Японии Андре Виоллис стремится показать подлинный и правильный образ этой страны. На фоне своеобразного сочетания старинной Японии, сохранившей традиции глубокой древности, и Японии современной, в значительной степени европеизированной, автор рисует жизнь японской аристократии с ее феодальными пережитками и быт земледелия и промышленности.

Однако в этих разнообразных кругах Андре Виоллис встречает одилические настроения: страсти к заневаживанию, веру в особую миссию «великой Японии», паробование женщинами. Притворная суровость и непримиримая распушность парят в привалах японской буржуазии. Школы военизируются. Разложение буржуазного общества особенно остро сказывается в среде молодежи.

Количество безработных пополняется ежегодно 40 тысячами студентов, окончивших университеты. Растет и возбуждение среди учащейся молодежи. В то время как независимая часть японского студенчества проводит демонстрации под предлогом антифашистской политики, другие, безусловно, ниже его стоящие поэты.

«Почему не поете, горы? Неужели я должен умереть, не услыхав вашего голоса, вашей песни?»

— Перед смертью, — рассказывает Тинан Табидзе, поэт, много занимавшийся им и лучшим его знатоком, — Важа Пашавела просил, чтобы его зарывали в листья. Это тоже Важа Пашавела.

Примитивизм Важа Пашавела не похож на искусственный примитивизм некоторых позднейших грузинских авторов. Весь блеск его именно в органическом единстве чувствования и восприятия вещей — в соединении с неофициальной, с нестабильной народной фантазией. Именно в силу этой органической творческой связи с народом Важа Пашавела только один мог дать настоящие эпические вещи грузинской литературы XIX века.

Подлинно народный характер его поэзии бесспорен. Того же нельзя сказать о других поэтах, пользующихся теми же истоками и боясь

все более и более удаляться от него.

Чувствуя свою силу, Важа Пашавела всецело отдался народной поэзии и нашел себя в ней. Редко когда у поэта можно найти такое соединение народных тем и языка с родной природой и примитивной фантазией. Может быть, эта поэзия, в синтетической степени сознательной и естественной, может обяснить несложное поэтическое мастерство Важа Пашавела. Оно как будто подчеркивает народный характер поэта.

Поэма «Змесель», переведенная Б. Пастернаком, одна из лучших ве-

тес Б. Пастернака. Для этой поэмы характерны все особенности его поэзии, и вряд ли возможно себе представить лучший русский текст «Змесель».

Было бы ошибочно утверждать, что Важа Пашавела выдержал экзамен эпохи благодаря созвучности его языка.

«Его чувствительность осталась примитивной, его фантазия — лихой, — писал после его смерти знаток грузинской литературы Геронтий Кикоте, — это морал — средневековой. Он ничего не понимал в нашем утилитаризме и прагматизме... Вся его натура была странной и своеобразной. Ему, меренливым, титаническим духам, там, где глаза видят геологические формации, душевные свойства привлекают он в вещах, которые для нас являются только движением механических сил».

Необычайность фантазии, смешение мифа и действительности, высокое чувство природы в самом конкретном понимании этого слова — вот что характерно для него.

Говоря о лесе, он как бы чувствует погоду, венчющую его.

Чувствуя свою силу, Важа Пашавела

всегда отдался народной поэзии и нашел себя в ней. Редко когда

у поэта можно найти такое соединение народных тем и языка с родной

природой и примитивной фантазией.

Может быть, эта поэзия, в синтетической степени сознательной и естественной, может обяснить несложное поэтическое мастерство Важа Пашавела. Оно как будто подчеркивает народный характер поэта.

Поэма «Змесель», переведенная Б. Пастернаком, одна из лучших ве-

тес Б. Пастернака. Для этой поэмы

характерны все особенности его поэзии, и вряд ли возможно себе представить лучший русский текст «Змесель».

Было бы ошибочно утверждать,

что Важа Пашавела выдержал

экзамен эпохи благодаря созвучности

его языка.

«Конечно, соприкасающие современную Японию, изображенные в этом театре с такой потрясающей силой и реализмом, которые достигают вершин искусства и творят до глубины души», — пишет Виоллис.

Автор книги подробно останавливается на описании такого положения японских работах и крестьян.

Растущему движению японского пролетариата и мелкой буржуазии противостоят усиливающиеся фанатистские склонности.

Может быть, эта поэзия, в синтетической степени сознательной и естественной, может обяснить несложное поэтическое мастерство Важа Пашавела. Оно как будто подчеркивает народный характер поэта.

Поэма «Змесель», переведенная Б. Пастернаком, одна из лучших ве-

тес Б. Пастернака. Для этой поэмы

характерны все особенности его поэзии, и вряд ли возможно себе представить лучший русский текст «Змесель».

Было бы ошибочно утверждать,

что Важа Пашавела выдержал

экзамен эпохи благодаря созвучности

его языка.

«Конечно, соприкасающие современную Японию, изображенные в этом театре с такой потрясающей силой и реализмом, которые достигают вершин искусства и творят до глубины души», — пишет Виоллис.

Автор книги подробно останавливается на описании такого положения японских работах и крестьян.

Растущему движению японского пролетариата и мелкой буржуазии противостоят усиливающиеся фанатистские склонности.

Может быть, эта поэзия, в синтетической степени сознательной и естественной, может обяснить несложное поэтическое мастерство Важа Пашавела. Оно как будто подчеркивает народный характер поэта.

Поэма «Змесель», переведенная Б. Пастернаком, одна из лучших ве-

тес Б. Пастернака. Для этой поэмы

характерны все особенности его поэзии, и вряд ли возможно себе представить лучший русский текст «Змесель».

Было бы ошибочно утверждать,

что Важа Пашавела выдержал

экзамен эпохи благодаря созвучности

его языка.

«Конечно, соприкасающие современную Японию, изображенные в этом театре с такой потрясающей силой и реализмом, которые достигают вершин искусства и творят до глубины души», — пишет Виоллис.

Автор книги подробно останавливается на описании такого положения японских работах и крестьян.

Растущему движению японского пролетариата и мелкой буржуазии противостоят усиливающиеся фанатистские склонности.

Может быть, эта поэзия, в синтетической степени сознательной и естественной, может обяснить несложное поэтическое мастерство Важа Пашавела. Оно как будто подчеркивает народный характер поэта.

Поэма «Змесель», переведенная Б. Пастернаком, одна из лучших ве-

тес Б. Пастернака. Для этой поэмы

характерны все особенности его поэзии, и вряд ли возможно себе представить лучший русский текст «Змесель».

Было бы ошибочно утверждать,

что Важа Пашавела выдержал

экзамен эпохи благодаря созвучности

его языка.

«Конечно, соприкасающие современную Японию, изображенные в этом театре с такой потрясающей силой и реализмом, которые достигают вершин искусства и творят до глубины души», — пишет Виоллис.

Автор книги подробно останавливается на описании такого положения японских работах и крестьян.

Растущему движению японского пролетариата и мелкой буржуазии противостоят усиливающиеся фанатистские склонности.

Может быть, эта поэзия, в синтетической степени сознательной и естественной, может обяснить несложное поэтическое мастерство Важа Пашавела. Оно как будто подчеркивает народный характер поэта.

Поэма «Змесель», переведенная Б. Пастернаком, одна из лучших ве-

тес Б. Пастернака. Для этой поэмы

характерны все особенности его поэзии, и вряд ли возможно себе представить лучший русский текст «Змесель».

Было бы ошибочно утверждать,

что Важа Пашавела выдержал

экзамен эпохи благодаря созвучности

его языка.

«Конечно, соприкасающие современную Японию, изображенные в этом театре с такой потрясающей силой и реализмом, которые достигают вершин искусства и творят до глубины души», — пишет Виоллис.

Автор книги подробно останавливается на описании такого положения японских работах и крестьян.

Растущему движению японского пролетариата и мелкой буржуазии противостоят усиливающиеся фанатистские склонности.

Может быть, эта поэзия, в синтетической степени сознательной и естественной, может обяснить несложное поэтическое мастерство Важа Пашавела. Оно как будто подчеркивает народный характер поэта.

Поэма «Змесель», переведенная Б. Пастернаком, одна из лучших ве-

тес Б. Пастернака. Для этой поэмы

характерны все особенности его поэзии, и вряд ли возможно себе представить лучший русский текст «Змесель».

Было бы ошибочно утверждать,

что Важа Пашавела выдержал

экзамен эпохи благодаря созвучности

его языка.

«Конечно, соприкасающие современную Японию, изображенные в этом театре с такой потрясающей силой и реализмом, которые достигают вершин искусства и творят до глубины души», — пишет Виоллис.

Автор книги подробно останавливается на описании такого положения японских работах и крестьян.

Растущему движению японского пролетариата и мелкой буржуазии противостоят усиливающиеся фанатистские склонности.

Может быть, эта поэзия, в синтетической степени сознательной и естественной, может обяснить несложное поэтическое мастерство Важа Пашавела. Оно как будто подчеркивает народный характер поэта.

Поэма «Змесель», переведенная Б. Пастернаком, одна из лучших ве-

тес Б. Пастернака. Для этой поэмы

характерны все особенности его поэзии, и вряд ли возможно себе представить лучший русский текст «Змесель».

Было бы ошибочно утверждать,

что Важа Пашавела выдержал

экзамен эпохи благодаря созвучности

его языка.

«Конечно, соприкасающие современную Японию, изображенные в этом театре с такой потрясающей силой и реализмом, которые достигают вершин искусства и творят до глубины души», — пишет Виоллис.

Автор книги подробно останавливается на описании такого положения японских работах и крестьян.

Растущему движению японского пролетариата и мелкой буржуазии противостоят усиливающиеся фанатистские склонности.

Может быть, эта поэзия, в синтетической степени сознательной и естественной, может обяснить несложное поэтическое мастерство Важа Пашавела. Оно как будто подчеркивает народный характер поэта.

Поэма «Змесель», переведенная Б. Пастернаком, одна из лучших ве-

тес Б. Пастернака. Для этой поэмы

характерны все особенности его поэзии, и вряд ли возможно себе представить лучший русский текст «Змесель».

Было бы ошибочно утверждать,

что Важа Пашавела выдержал

экзамен эпохи благодаря созвучности

его языка.

«Конечно, соприкасающие современную Японию, изображенные в этом театре с такой потрясающей силой и реализмом, которые достигают вершин искусства и творят до глубины души», — пишет Виоллис.

Автор книги подробно останавливается на описании такого положения японских работах и крестьян.

Растущему движению японского пролетариата и мелкой буржуазии противостоят усиливающиеся фанатистские склонности.

Может быть, эта поэзия, в синтетической степени сознательной и естественной, может обяснить несложное поэтическое мастерство Важа Пашавела. Оно как будто подчеркивает народный характер поэта.

Поэма «Змесель», переведенная Б. Пастернаком, одна из лучших ве-

тес Б. Пастернака. Для этой поэмы</p

ГОСЛИТИЗДАТУ НУЖНА СВОЯ ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ БАЗА

Создание государственного издательства «Художественная литература» обязывает как его работников, так и писательские кадры развернуть активную работу по осуществлению огромных задач, возложенных на издательство.

Писатели и литераторы, организованные при Гослитиздате в групповом профсоюзе работников издательства, мобилизуются на практическую помощь издательству.

Экстренное заседание группового, состоявшееся на днях, посвящено было исключительно производственным вопросам по секторам Гослитиздата.

Из доклада руководителя пропагандистского отдела и товарищем выделенных группом с целью ознакомления с работой этого отдела выяснился ряд моментов, требующих особого и неотложного внимания.

Необходимо устранить те явления, которые угрожают невыполнению плана Гослитиздата.

Необходимы меры для повышения качества продукции в отношении оформления книги, чистоты текста, устранения слабой корректорской работы и т. п., а также сроков выпуска изданий.

Необходимо устранить те явления, которые угрожают невыполнению плана Гослитиздата.

Необходимы меры для повышения качества продукции в отношении оформления книги, чистоты текста, устранения слабой корректорской работы и т. п., а также сроков выпуска изданий.

У Гослитиздата пять так называемых выпускающих редакторов (члены досмотрочного в нормальных условиях), но эта пятерка должна в новых условиях метаться все свое рабочее время не только по великим пространствам Москвы, но и... за ее пределами!

Если принять во внимание те средства и силы, которые затрачиваются издательством на беспрерывную переделку по типографиям большого фонда, если подсчитать стоимость изданного его пребыва и все те убытки, которые несет издательство из-за простых работ, из-за несвоевременного выпуска изданий из-за неспособности держать лишивших работников и т. д. и т. п., —

Это, а также явная задержка ряда изданий, перерастающая в угрозу срыва нормальной работы и в следующем году, обязывает издательских работников — от редакции до корректора — к особому напряжению сил.

На заседании группового отмечено, что работа по перестройке аппарата Гослитиздата, широко развернутая, заканчивается, и это обстоятельство, сомнений, вполне обеспечивает дальнейшее развитие всей деятельности издательства по здоровому ритму.

Для всех этого субъекта страдает самое качество продукции, изготавливаемой нередко «между делом», т. е. среди других более близких оттисков.

Однако еще и в настоящие времена Гослитиздата имеются свои дефекты, отрицательно влияющие на работу в известных ее стадиях. Сюда следует отнести все, что связано с необходимостью более четких взаимоотношений (в самом процессе производства) между редакцией и производственным отделом, с одной стороны, редакциями и авторами, с другой: сокращение сроков прохождения рукописи и более тщательная обработка их, привлечение авторов к работе по оформлению книги, подбор опытных корректорских сил, помощь редакционным работникам в технологии выпуска изданий, повышение требований к авторам в отношении обработки рукописи и т. д. и т. п.

На заседании группового решено было ко всем этим вопросам возвратиться после более тщательного ознакомления с процессами редакционной работы, но и в настоящем времени вполне выяснено, что даже при устранении текущих недоладов в работе производственного сектора общее его положение не может быть поднято на должную высоту без содействия самого серьезного влияния на полиграфической базе.

По существу говоря, почти все слабые стороны в работе издательства, не исключая и редакционного аппарата, непосредственно или косвенно вытекают из крайне неустроенных полиграфических средств издательства.

Только при обесценении издательства мощной современной сосредоточенной в одном кусте полиграфии

малую. Напротив, она находит в произведениях «мирискусников» большие художественные достоинства. В самом деле, если можно сказать о Сомове, что «проблемы цвета и ясности» не выявили никаких серьезных художественных задач, как это было с новыми течениями во Франции. «Мирискусники» нашли наиболее яркое выражение. Классовый анализ идеологических и творческих установок дан в книге исследовавшем. Очень отчетливо выяснилось также место «Мира искусства» в русской художественной жизни.

«Мир искусства» рассматривается не изолированно, а в отношении к окружающим современным художественным явлениям. Это придает книге большую ценность и большой интерес.

Однако этот интерес в известной степени исторический. Наследство «Мира искусства», эстетическое опицатство, еще слишком живо и в графике, и в театральном искусстве, и даже в живописи наших дней, чтобы можно было взять тот тон исторической бессмыслицы, который проникнула книга.

Художественная практика «мирискусников» сыграла в истории русского искусства отрицательную роль. Борясь с идейностью, группа «Мира искусства» не выявляла никаких серьезных художественных задач, как это было с новыми течениями во Франции. «Мирискусники» по отношению к передвижникам не углубляли понимания художественной формы в русской живописи. Их работы в той же степени, хотя и совершенно по-иному, не компонованны, как в работах передвижников. В их работах в той же степени, хотя и по-иному, отсутствует понимание средств и возможностей материала. Точно так же «мирискусники» не ставили серьезно ни цветовых, ни пространственных проблем.

По сравнению с передвижниками «мирискусническая» живопись, про-

тивостоящая им, не имеет даже технических достоинств, которые имелись у передвижников.

Наталия Соколова, «Мир искусства», ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1934, стр. 300, п. 4 р. 75 к. пер. 1 р. 75 к.

В ДагГИЗе выходит книга М. ЛОСКУТОВА «из каравана», иллюстрированная худ. В. МИЛАШЕВСКИМ.

МИР ИСКУССТВА

«Мир искусства» Наталия Соколовой — значительное явление нашей искусствоведческой литературы. Книга — один из примеров полногенерального марксистского анализа конкретного художественно-исторического явления. Автор сознательно организует границы своего исследования основной западно-стилизаторской группой «мирискусников». Это дает ему возможность сосредоточить внимание на небольшой группе художников и теоретиков, в творчестве которых идеология «Мира искусства» нашла наиболее яркое выражение. Классовый анализ идеологических и творческих установок дан в книге исследовавшем. Очень отчетливо выяснилось также место «Мира искусства» в русской художественной жизни.

«Мир искусства» рассматривается не изолированно, а в отношении к окружающим современным художественным явлениям. Это придает книге большую ценность и большой интерес.

Однако этот интерес в известной степени исторический. Наследство «Мира искусства», эстетическое опицатство, еще слишком живо и в графике, и в театральном искусстве, и даже в живописи наших дней, чтобы можно было взять тот тон исторической бессмыслицы, который проникнула книга.

Художественная практика «мирискусников» сыграла в истории русского искусства отрицательную роль. Борясь с идейностью, группа «Мира искусства» не выявляла никаких серьезных художественных задач, как это было с новыми течениями во Франции. «Мирискусники» по отношению к передвижникам не углубляли понимания художественной формы в русской живописи. Их работы в той же степени, хотя и совершенно по-иному, не компонованны, как в работах передвижников. В их работах в той же степени, хотя и по-иному, отсутствует понимание средств и возможностей материала. Точно так же «мирискусники» не ставили серьезно ни цветовых, ни пространственных проблем.

По сравнению с передвижниками «мирискусническая» живопись, про-

тивостоящая им, не имеет даже технических достоинств, которые имелись у передвижников.

Наталия Соколова, «Мир искусства», ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1934, стр. 300, п. 4 р. 75 к. пер. 1 р. 75 к.

Профессор ОТТОН

Сцены из пьесы.

Штурманская рубка. Барометр, хронометр, барограф, кренометр. На столе — путевая карта, на которой отмечается приходжение за вахту расстояние. Над столом книжная полочка для ложий и других морских сувенировиков.

В рубке две двери: одна — наружная — на спальня, другая — во внутреннее помещение судна.

Полярная ночь. Дежурит двое: штурман Борисов и метеоролог Ида Александровна. Слышишь, снаружи рвет и веет ветер и гудят антенны радиотелефагра.

Борисов (положится на диванчике, читает вслух ложину, книгу поставил себе на живот). Большое количество гусей и других водяных птиц, пролетающих весной мимо мыса Барабуя к северу, в августе и сентябре возвращаются.

(Открывается дверь, просовываетяется голова. Ядрей как? Голова. Дрейф как?)

Борисов. Шестьдесят четыре метра. Голова. Врете, Борисов.

Борисов. Свирепе лучше.

Голова. Шестьдесят четыре метра в минуту!

Борисов. Нет, в год.

Голова. И направление... на юг?

Борисов. На юг-юг.

Голова (исчезая за дверь). Ого! Это номер.

Борисов (подползнувшись читать...) воз врашающихся с летенями, указывает на существование земли севернее этого мыса, принимая во внимание, что птицы этого рода выводят птенцов только на земле. (Опражняется ложину на живот, корешком вворачивает). Кончили?

Ида (стоит на ступицу к Борисову, расширяет глаза). Ступица. Видите, пристально и жадно рассматривает спину и затылок Иды. Ида Александровна...

Ида (не отрываясь от работы). Ну?

Борисов. Черные глаза... чернослив...

Ида. Погорите попозже. Я работаю.

(Борисов ухмыльнулся, лег, поставил ложину на живот, хотел было читать, но увидел на стеле муху, покриал, рассматривает.)

Борисов. Муха... Муха... Муха...

Как ты не подохла? Шесть полярных морей прошла и не подохла. Два ме-

матрос. Присматриваю, Аркадий Борисыч.

Борисов. Сколько воды набралось?

Матрос. Метр и десять сантиметров.

Борисов. Скажи в машину, чтобы откачали.

Матрос. Слушаю. (Хочет уходить.)

Борисов. Постой... Слаг на полубаке надо было вычистить.

Матрос. Вычистил.

Борисов. Не могу быть!

Матрос. ...мирож. Обман прыгает...

Ида. (раздражен). А какая в проливе вода?

Матрос. Мокрая! Жидкая! Соленая!

Ида. (обернувшись с телеграммой в руках). В проливе ильянки. Чистая.

Матрос. Слушай! Колумб некогда вскричал: «Земля! Земля!»

Ида. Вы думаете, он вскричал: «Вода! Вода?»

(Присовывается голова.)

Голова. Требуется приличный дрейф. Желательно к проливу.

Борисов. Это невозможно! Пятьдесят... восьмь человек за ночь. (Голова). Семидесят один метр.

Голова. Не может быть!

Борисов. Иди к черту. Может, раз есть...

Голова. Но желательно к дому, к проливу или в крайнем случае просто на землю?

Борисов. От дома! От пролива! от земли! Туда, где никто не был.

Ида. Успеха нет. Всё думают, что я

всё знаю...

Борисов. Извините, Ильинка.

Ида. Я сорвала Ильинку.

Борисов. Зачем?

Ида. У Ильинки умерла мать.

Борисов. Семидесят один, профессор.

Профессор Оттон (входит). Меня, мой друг, спрашивает угроза... Здравствуйте.

Борисов. Да, вечером — сорок восемь.

Профессор Оттон. А сегодня утром — семьдесят.

Борисов. А дрейф... А дрейф...

Профессор Оттон. Простите... скользко?

Борисов. Семидесят один, профессор.

Профессор Оттон. Семидесят один, профессор.

Борисов. Семидесят один, профессор.

Профессор Оттон. Семидесят один, профессор.

Борисов. Семидесят один, профессор.

Профессор Оттон. Семидесят один, профессор.

Борисов. Семидесят один, профессор.

Профессор Оттон. Семидесят один, профессор.

Борисов. Семидесят один, профессор.

Профессор Оттон. Семидесят один, профессор.

Борисов. Семидесят один, профессор.

Профессор Оттон. Семидесят один, профессор.

Борисов. Семидесят один, профессор.

Профессор Оттон. Семидесят один, профессор.

Борисов. Семидесят один, профессор.

Профессор Оттон. Семидесят один, профессор.

Борисов. Семидесят один, профессор.

Профессор Оттон. Семидесят один, профессор.

Борисов. Семидесят один, профессор.

